

VOM GEHEN IM EIS

Werner Herzog

München —
Paris

23.11 bis 14.12
1974

О ХОЖДЕНИИ ВО ЛЬДАХ

Вернер Херцог

Мюнхен —
Париж

23.11 – 14.12
1974 год

Перевод с немецкого
Марины Кореновой

Individuum,
Москва, 2025

УДК 821.112.2

ББК 63.3(4Гем)63

X39

X39 Херцог, Вернер.
О хождении во льдах / Вернер Херцог ; [пер. с немецкого
М. Кореневой]. — Москва: Индивидуум, 2025. — 128 с. — (/sub).

ISBN 978-5-6048295-4-7

«О хождении во льдах» — поэтичный и созерцательный путевой дневник немецкого режиссера, отправившегося в ноябре 1974 года в пеший поход из Мюнхена в Париж. Херцог был твердо убежден: доберись он в срок до Парижа, тяжело заболевшая Лотте Айснер, легенда кинокритики, которой он восхищается, останется жива. «О хождении во льдах» — документация этого ритуального похода, которую можно читать несколькими способами: это и проникновенное размышление о жизни и смерти, и медитативные зарисовки уходящей европейской природы, и поток взбудораженного ходьбой сознания, и кино в прозе, напоминающее о том, что только в дороге мы обретаем покой.

УДК 821.112.2

ББК 63.3(4Гем)63

 **individuum /sub**

© 1978 Carl Hanser Verlag
GmbH & Co. KG, München

ISBN 978-5-6048295-4-7 © ООО «Издательство «Эксмо», 2023, 2025

Individuum®

Предупреждение

В конце ноября 1974 года мне позвонил из Парижа один друг и сказал, что Лотте Айснер тяжело заболела и, вероятно, умрет. Я сказал, что этого не может быть, не сейчас, немецкое кино не может сейчас без нее никак обойтись, мы не можем допустить, чтобы она умерла. Я взял куртку, компас и вещмешок с самым необходимым. Башмаки у меня были такие прочные и новые, что я вполне мог на них положиться. Я отправился самой прямой дорогой в Париж, твердо веря в то, что она останется жить, если я приду к ней пешком. Кроме того, мне хотелось побыть наедине с собой.

То, что я записывал в пути, не предназначалось для читателя. Теперь, почти четыре года спустя, когда я снова взял в руки свой старый блокнотик, написанное странным образом глубоко тронуло меня и желание показать текст другим, незнакомым людям перевесило робость от того, что придется так широко распахнуть дверь перед посторонними взглядами. Только некоторые, глубоко личные подробности я опустил.

В. Х., Делфт, Голландия, 24 мая 1978 года

Суббота, 23.11

Пройдя метров пятьсот, я сделал первую остановку возле больницы в Пазинге, оттуда собирался повернуть на запад. По компасу определил направление на Париж — теперь я знал, куда мне двигаться. Ахтернбуш* выпрыгнул на полном ходу из автобуса марки «фольксваген», и ничего, тогда он выпрыгнул еще раз и сломал себе ногу, теперь лежит в пятом отделении.

Перебраться через Лех будет большой проблемой, сказал я ему, потому что очень мало мостов. Может быть, кто-нибудь из местных возьмется переправить меня на лодке? Герберт разложил гадальные карты мне на дорогу, крошечные, не больше ногтя, но теперь не знает, как прочитать все это, потому что не может найти бумажку с «ключом». Тут есть “The Devil”**, а во втором ряду — “The Hanged Man”***, нарисованный вверх ногами.

Солнце, как будто на дворе весна, неожиданность. Как выбраться из Мюнхена? Что волнует людей? «Караваны», разбитые машины, выставленные на продажу, автомойка? Размышления о себе самом заканчиваются выводом: окружающий мир вполне рифмуется со мною.

Единственная всепоглощающая мысль: прочь отсюда. Люди нагоняют на меня страх. Айснерша



* Герберт Ахтернбуш (1938–2022) — немецкий кинорежиссер, писатель и актер. — *Здесь и далее прим. ред.*

** Дьявол (англ.).

*** Повешенный (англ.).

не имеет права умереть, она не умрет, я не позволю. Она не умрет, нет. Не теперь, сейчас нельзя. Нет, сейчас она не умрет, потому что не умрет. Я иду твердым шагом. Земля дрожит предо мной. Моя поступь — поступь бизона, на привалах я как гора. Поберегись! Она не имеет права. Она не умрет. Когда я доберусь до Парижа, она будет жива. По-другому не будет, потому что иначе нельзя. Ей нельзя умереть. Потом, наверное, когда-нибудь, когда мы разрешим.

На каком-то поле, залитом дождем, мужчина ловит женщину. Трава прибита и вся грязная.

Правая нога, в районе икры, доставит мне, наверное, проблемы, левый башмак, у пальцев, вероятно, тоже. Когда идешь, в голове крутится всякое разное, мозг неистовствует. Чуть дальше едва не произошла авария. Географические карты — моя страсть. Скоро начнутся футбольные матчи, на раздолбанных площадках прочерчивают центральную линию. Баварские флаги у станции метро «Аубинг» («Гермеринг»?). За поездом тянется шлейф взвихренных бумажек, он тянется и тянется, потом поезд исчезает из виду. В руке я чувствую еще ладошку моего маленького сына, эту удивительную ручонку, большой палец которой так ловко ложится мне на запястье. Я смотрю на бумажный вихрь, и сердце

готово разорваться на части. Время медленно приближается к двум.

Гермеринг, кафе, у детей первое причастие; духовой оркестр, официантка разносит торт, здешние завсегдатаи пытаются разжиться кусочком. Древнеримские дороги, кельтские оборонительные сооружения, есть где разгуляться фантазии. Суббота, после полудня, мамы с детишками. Детские игры, как они выглядят в действительности? Не так, как в кино. Чтобы разглядеть, нужна подзорная труба.

Все это мне в новинку, невиданная часть жизни. До того я стоял на мосту, подо мной — часть автобана в сторону Аугсбурга. Прежде я, проезжая тут на машине, не раз видел людей на этом мосту, смотрящих вниз, теперь я один из них. Второе пиво, оно пошло не впрок — ноги как ватные. Молодой человек натянул веревку с висящей на ней картонкой-объявлением между двумя столами и закрепил концы скотчем. Завсегдатаи требуют перевесить загородку, вас забыли спросить, говорит официантка, снова заиграла громкая музыка. Завсегдатаям хотелось бы подловить момент, когда молодой человек залезет официантке под юбку, но он на такое не решается.

Только если бы это был фильм, я бы воспринял все как реальность.

Где я буду спать, меня не заботит. Мужчина в блестящих кожаных штанах шагает на восток.

— Катарина! — кричит официантка, держа поднос с пудингом на уровне бедра.

Она кричит в южном направлении, за этим я слежу.

— Валенте!* — отзывается один из завсегдатаев на радость собутыльникам.

Сидящий по соседству мужчина в зеленом фартуке, которого я поначалу принял за крестьянина, оказался при ближайшем рассмотрении трактирщиком. Постепенно хмель ударяет мне в голову. Рядом со мной столик, который все больше сбивает меня с толку, поскольку он весь заставлен кофейными чашками, тарелками с тортом, но за ним решительно никого нет. Почему за ним никто не сидит? Крупная соль на бретцеле приводит меня в такой восторг, что я не могу его даже выразить словами. Вдруг ни с того ни с сего все посетители стали смотреть в одну сторону, хотя там ничего такого не было. Пройдя эти несколько жалких километров, я знаю, что с головой у меня не в порядке, знание пришло от ног. У кого не горит во рту, у того земля горит под ногами. Перед заведением, вспомнилось мне, был худой мужчина, сидевший в инвалидной коляске, но не потому что он был парализован,

* Итальянская певица, пользовавшаяся особой популярностью в 1950–1960 годах.

а потому что он был кретин, толкала же коляску женщина, которая выпала у меня из памяти. На хомуте для быков развешаны лампочки. За Сан-Бернардино, под снегом, я чуть не столкнулся лоб в лоб с оленем, кто бы мог подумать, что тут можно встретить дикого зверя, да еще такого гиганта? В горных ущельях мне то и дело попадаются форели. Отряд, хочется сказать, рядами продвигается вперед, отряд изрядно устал, отряд уморился от прошедшего дня. Трактирщик в зеленом фартуке, судя по тому, как близко к глазам он держит меню, почти слепой. Он не может быть крестьянином, потому что почти слепой. Он просто трактирщик, и все. Внутри заведения зажегся свет, значит, снаружи день подходит к концу. Ребенок в курточке, невероятно грустный, пьет колу, зажатый между двумя взрослыми, раздаются аплодисменты — знак благодарности оркестру.

— Напоили всех овец, тут и делу конец, — сказал трактирщик среди всеобщей тишины.

На улице, на холоде, первые коровы, трогательное зрелище. Вокруг навозной кучи, над которой поднимается пар, забетонированная площадка, там катаются две девочки на роликовых коньках. Чернущая кошка. Два итальянца катят на пару велосипед. Этот сильный запах от полей! Вороны летят